

Полицейская деятельность

Правильная ссылка на статью:

Миронов А.Н. Экстрадиция: проблемы категориального аппарата // Полицейская деятельность. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0692.2025.4.75534 EDN: KXLOWC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75534

Экстрадиция: проблемы категориального аппарата

Миронов Анатолий Николаевич

соискатель; Сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии; Институт государства и права РАН
Заведующий филиалом, адвокат; Филиал № 5 Московской коллегии адвокатов «Защита»

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

✉ Anatolymironov1@gmail.com

[Статья из рубрики "Полиция и защита прав человека"](#)

DOI:

10.7256/2454-0692.2025.4.75534

EDN:

KXLOWC

Дата направления статьи в редакцию:

12-08-2025

Дата публикации:

19-08-2025

Аннотация: Проблема выдачи преступников остается одной из наиболее сложных в международной практике борьбы с преступностью, поскольку затрагивает вопросы суверенитета государств. Особенности процедуры выдачи вызывают большое количество сложностей и занимают длительное время, что обусловлено переплетением интересов нескольких государств и различных их ведомств. В теории уголовного права продолжают споры практически по всем юридическим аспектам института экстрадиции, начиная с определения его правовой природы и правовых истоков и заканчивая вопросами целесообразности подготовки унифицированного национального нормативного правового акта, посвященного данному вопросу. Их решение, как представляется, затруднено тем, что в доктрине до настоящего времени не выработана однозначная позиция о том, к какой отрасли права – международного, международного уголовного, международного уголовно-процессуального, уголовного или уголовно-процессуального – относится выдача (экстрадиция). Все это ведет к определенной

изолированности исследований. При подготовке настоящего исследования автором использовались такие методы, как формально-юридический, исторический, сравнительный, а также методы анализа, индукции и дедукции. Выводы. Во-первых, термины, используемые в экстрадиционной практике, выступают в качестве названия строго определенного понятия оказания государствами взаимной правовой помощи в борьбе с преступностью. В связи с этим нет ни фактических, ни правовых оснований признавать синонимичными термины «экстрадиция», «выдача преступников», «передача преступников», поскольку каждый из них отражает конкретное социально-правовое явление, регулируемое нормами международного и национального права. Во-вторых, экстрадиция, выдача и передача преступников в запрашивающее государство отличаются как по объему отражаемого ими понятия, так и соотношением между собой. Первая является общим, два других же выступают единичным понятием; в экстрадиционной практике последние отражают один из способов реализации экстрадиции. Не соответствует правовой природе экстрадиции ее характеристика как удаления с территории Российской Федерации иностранного гражданина. В-третьих, признание экстрадиции институтом уголовно-процессуального права характеризует не терминологическую, а сущностную ошибку, искажающую ее правовую природу.

Ключевые слова:

экстрадиция, международное право, выдача лица, передача лиц, выдворение, реадмиссия, депортация, правовая помощь, экстрадиционное право, уголовное право

В правовых исследованиях, как, впрочем, и в целом в гуманитарной науке, принципиальное значение имеет точное определение лексического значения того или иного термина. В данном случае речь идет о соотношении таких понятий, как «экстрадиция» и «выдача преступников». Без его установления практически невозможно сформулировать дефиницию рассматриваемого правового феномена, определить ряд принципиальных моментов, таких как его юридическая природа, формы реализации и др. А. И. Джигарь обоснованно отмечает: «Значение вопроса об определении терминов, отвечающих требованиям емкости, точности и унификации, приобретает все большее значение. И это особенно заметно в рамках института экстрадиции, где сталкиваются законодательства большого количества государств, обладающих разными языковыми системами и правовыми традициями» [\[1, с. 107\]](#).

По утверждению Б. Сварта, терминологические дебаты представляют собой скрытую форму дебатов по существу проблемы [\[2, с. 9\]](#).

Большинство авторов исходит из того, что экстрадиция и выдача преступников, будучи тождественными понятиями, отражают одно и то же социально-правовое явление [\[3\]](#). К. Б. Шайбакова, формулируя проект ст. 12 УК РФ, к термину «выдача» в скобках указывает термин «экстрадиция» (Шайбакова К. Б. *Экстрадиция в современном международном праве: генезис, правовая природа, реализация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2020. С. 15*). В этом случае последний выступает в качестве пояснения к первому термину.

И. В. Смолькова пишет: «...термины "выдача" и "экстрадиция" являются синонимами ... подобрать иной синоним к термину "экстрадиция", кроме слова "выдача", с позиции русского языка и возможности передачи его смысла в переводе весьма затруднительно»

[\[4, с. 442\]](#).

В целом такой же точки зрения придерживается, например, А.И. Джигарь, отмечающая, что на доктринальном уровне синонимичность рассматриваемых терминов является бесспорной, а их использование в научной литературе допустимо в равной степени, но в целях унификации законодательства целесообразнее использовать термин «экстрадиция». Вместе с тем она указывает, что аргументы ученых, признающих «экстрадицию» и «выдачу» разными самостоятельными понятиями, достаточно уязвимы ввиду явных внутренних противоречий [\[1, с. 108\]](#).

В литературе высказано и другое мнение. Самое простое различие между экстрадицией и выдачей некоторые ученые видят в том, что первое понятие используется в науке, второе – в практике правового регулирования [\[5, с. 210\]](#).

А. К. Романов и О. Б. Лысягин считают экстрадицию и выдачу не синонимичными понятиями. По их мнению, «экстрадицию нельзя сводить к выдаче и объяснять ее выдачей, прежде всего потому, что в современных условиях выдачей преступников экстрадиция не ограничивается. Как известно, процедура экстрадиции может завершаться и отказом в выдаче. Кроме того, нормы уголовно-процессуального законодательства выделяют, с одной стороны, выдачу для уголовного преследования... а с другой – передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания...», имея в виду и «такие ее разновидности, как отсроченная передача и передача с условиями», а также экстрадиционный транзит [\[6, с. 91\]](#). По мнению авторов, отождествление рассматриваемых понятий, определение экстрадиции через термин «выдача» обусловлены устаревшими взглядами, использованием понятий и концепций, не соответствующих современным правовым реалиям. В экстрадиции они видят комплексный институт международного права, истоками которого являлась выдача, а последняя в настоящее время выступает формой реализации первой [\[6, с. 91\]](#).

По мнению Е. Г. Галышевой, корни института экстрадиции лежат в институте выдачи. Претерпев значительную эволюционную трансформацию, экстрадиция превратилась в «нечто новое в международной практике государств», в настоящее время она «не вписывается в те границы, которыми располагает ныне институт выдачи» [\[7, с. 41\]](#). Не соглашаясь с этим утверждением, И. В. Смолькова считает, что вся история международных отношений свидетельствует об обратном. Выдача во все века и во всех странах выступала формой реализации экстрадиции, экстрадируемые лица выдавались для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора (наказания) [\[4, с. 439\]](#).

В юридической литературе институт выдачи признается протообразованием, в недрах которого формировались и впоследствии обособились положения об оказании правовой помощи по уголовным делам [\[4, с. 439\]](#).

В российском праве (как в дореволюционном законодательстве, так и в доктрине международного и уголовного права) в большей мере использовался термин «выдача преступников» [\[8, с. 6\]](#). При этом отметим небезынтесную деталь: один из первых исследователей рассматриваемого института А. Штиглиц говорит о выдаче преступников и в то же время указывает, что с падением Рима появляется возможность существования экстрадиционного права. К сожалению, автор не дает понятия указанного права, однако из последующего изложения можно сделать вывод о том, что речь идет, выражаясь современным языком, о подотрасли международного права, поскольку А. Штиглиц

перечисляет средневековые международные договоры: трактат между английским королем Генрихом II и шотландским королем Вильгельмом (1174), согласно которому стороны обязались выдавать политических преступников; трактат между Англией и Францией (1303), стипулировавший (стипуляция (лат. stipulation – «выспрашивание») – формальный, устный контракт, устанавливающий какое-либо обязательство) выдачу политических преступников, и др. [\[8, с. 6\]](#).

Сложившаяся ситуация с использованием в российской юридической практике словосочетания «выдача преступников» в литературе объясняется сформировавшимися историческими традициями, уходящими своими корнями в глубину веков. К. С. Родионов, исследуя вопросы генезиса рассматриваемого института, отмечает, что в экстрадиционную практику на Руси, а затем и в ее договоры, законодательство и правовую лексику прочно вошло словосочетание «выдача преступника»; причем автор подчеркивает, что экстрадиция и выдача не являются тождественными понятиями: первое понятие намного шире второго [\[9, с. 152\]](#).

В законодательных актах советского периода истории России и научных публикациях также в целом говорилось о выдаче преступников [\[10, с. 45\]](#).

Некоторые авторы и в настоящее время не видят проблем в использовании в законодательстве и доктрине указанного понятия и не считают целесообразным отказываться от него (*Марченко А. В.* Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 12). Например, монография А. И. Бойцова называется «Выдача преступников», а в оглавлении работы используется термин «экстрадиция» [\[11\]](#). В действующем российском законодательстве (Конституции РФ, УК РФ, УПК РФ), международных договорах России экстрадиция не упоминается, используется термин «выдача».

До появления в литературе термина «экстрадиция» для обозначения выдачи преступников применялся один из латинских терминов – remittre («передавать», «возвращать») или restituer («возвращать») [\[12, с. 5-6\]](#). Первый из них встречается в межгосударственных актах Англии до принятия закона об экстрадиции 1870 г., в Америке – до 1848 г. [\[11, с. 16\]](#)

Первоначально под экстрадицией понималось принудительное возвращение беглого подданного своему сюзеру [\[13, с. 408\]](#). В правовых актах рассматриваемый термин в современном его понимании был впервые употреблен во французском декрете от 19 февраля 1791 г. [\[4, с. 436\]](#). В литературе вообще утверждается, что «ведущая роль в формировании и развитии экстрадиционного права с конца XVIII и до конца XIX в. принадлежит Франции. Благодаря именно ее международной деятельности было инициировано большинство из ныне существующих положений, содержащихся в договорах о выдаче... французский язык получил в конце XVIII в. официальное признание в качестве рабочего языка дипломатической переписки по делам о выдаче. Не без влияния Франции намечается в это же время тенденция к заключению многосторонних соглашений о выдаче» [\[11, с. 16\]](#).

На это обстоятельство обращает внимание и А. Штиглиц. Он пишет: «...мы с удовольствием отмечаем факт, что столь симпатичный и великий французский народ по занимающему нас вопросу стоит во главе цивилизации... Экстрадиционное право

получило свое развитие главным образом благодаря международной деятельности этой державы» [\[12, с. 8\]](#).

В настоящее время термин «экстрадиция» является общепризнанным, используется во многих международных актах, употребляется в трех официальных языках ООН: английском, французском и испанском.

По нашему мнению, имеет место следующее соотношение понятий «экстрадиция» и «выдача преступников». Первое из них является видовым, выражает существенные признаки определенного круга явлений, предметов, признаваемых видом какого-либо рода. Рассматриваемое понятие является подчиненным, выступает элементом состава другого, более общего понятия – правовой помощи и правовых отношений по уголовным делам (см., например, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Минск, 1993). «Правовая помощь в международном уголовном праве представляет собой комплекс норм как неотъемлемый компонент международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, выполняющий субсидиарную функцию в целях реализации международно-правовых обязательств по международным договорам» [\[14, с. 120\]](#). В свою очередь понятие «выдача преступников» входит в понятие «экстрадиции», признается одной из форм его реализации. Иначе говоря, последнее является общим понятием, а первое – единичным.

Международная ассоциация уголовного права справедливо признает экстрадицию актом международной судебной взаимопомощи по уголовным делам, целью которой является передача лица, преследуемого в уголовно-правовом порядке и осужденного, из пределов подсудности одного государства в пределы подсудности другого государства [\[15, с. 40\]](#).

Вопреки мнению ряда ученых, экстрадицию и выдачу преступников в силу указанного их соотношения нельзя признавать самостоятельными институтами современного права [\[6, с. 91\]](#). В качестве такового выступает экстрадиция, которая по своей сути является межотраслевым образованием.

В литературе обоснованно обращается внимание на некорректное наименование выдаваемого другому государству лица как преступника [\[16, с. 7; 17, с. 152\]](#). Во-первых, во многих случаях экстрадиционной практики в отношении лица может еще и не быть обвинительного приговора, вступившего в законную силу, а следовательно, с точки зрения закона отсутствует и преступник. Между тем в соответствии с законодательством экстрадируется лицо, имеющее определенный уголовно-процессуальный или уголовно-исполнительный статус: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, лицо, отбывающее лишение свободы.

В современной юридической литературе, основываясь на терминологии УПК РФ, оперирующего в правовом отношении нейтральными терминами «выдача лица», «выданные лица» и т. д., как правило, используется словосочетание «выдача лиц, совершивших преступления» [\[18\]](#). По мнению В. М. Волженкиной, такая формулировка также нарушает принцип презумпции невиновности, поскольку предreshает вопрос о виновности выдаваемых лиц. Как полагает автор, точнее было бы говорить о выдаче «лиц, обвиняемых в совершении преступлений, подпадающих под уголовную юрисдикцию государства» [\[16, с. 7\]](#).

В УПК РФ, наряду со словосочетанием «выдача лица», используется термин «передача

лица» (гл. 54) [\[19, с. 51; 20, с. 111\]](#). Основываясь на позиции законодателя, некоторые авторы высказали предложение вместо термина «экстрадиция» в нормативных правовых актах использовать указанное наименование экстрадируемого [\[21, с. 28; 22, с. 94\]](#).

Это предложение подверглось, на наш взгляд, обстоятельной критике. Например, по мнению К. Е. Колибаб, термины «выдача» и «передача» не являются синонимами, в основе определяемых ими действий отмечаются принципиальные различия [\[23, с. 90\]](#). Н. В. Минкова обоснованно обращает внимание на то, что между терминами «выдача» и «передача» имеются четкие отличия, носящие «не лексический, а юридический характер» (Минкова Н. В. Институт выдачи преступников в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9).

Л. В. Иногамова-Хегай, уже после того, как в международные акты, регламентирующие экстрадицию, были включены процедуры передачи лиц (например, международным уголовным трибуналам), указывает, что выдача состоит в передаче лица, совершившего преступление, государством, на территории которого оно находится, запрашивающему государству [\[24, с. 130\]](#).

В некоторых международно-правовых актах используется совместное употребление терминов «экстрадиция» и «передача». Такая форма отражения экстрадиции имеет место в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000). В п. 11 ст. 16 Конвенции говорится: «Во всех случаях, когда государству-участнику согласно его внутреннему законодательству разрешается выдавать или иным образом передавать одного из своих граждан только при условии, что это лицо будет возвращено в это государство для отбытия наказания, назначенного в результате судебного разбирательства или производства, в связи с которым запрашивалась выдача или передача этого лица, это государство-участник и государство-участник, запрашивающее выдачу этого лица, согласились с таким порядком и другими условиями, которые они могут счесть надлежащими, такая условная выдача или передача являются достаточными для выполнения обязательств, установленных в пункте 10 настоящей статьи». Пункт 10 данной статьи предусматривает возможность уголовного преследования собственных граждан, которые не подлежат выдаче, поэтому, несмотря на использование различной терминологии в предыдущем пункте ст. 16 Конвенции, имеется в виду экстрадиция, поскольку она применяется в межгосударственных отношениях по оказанию правовой помощи в борьбе с преступностью.

«Вместе с тем ... совместное употребление двух терминов неслучайно. Во-первых, в законодательной практике различных стран можно наблюдать использование обоих понятий для обозначения процесса доставки лица запрашивающему государству. Во-вторых, что не менее существенно, развитие международного уголовного права обуславливает возникновение новых юридических процедур, называемых "передачей" ... которые в меньшей степени обременены препятствиями правового свойства, характерными для экстрадиции. Примером такой процедуры является передача лиц согласно Европейскому ордеру на арест... В связи с этим подход разработчиков Конвенции является оптимальным, позволяющим охватить как непосредственно экстрадицию, так и передачу лиц для уголовного преследования согласно положениям международно-правовых актов» [\[2, с. 12-13\]](#).

Как уже говорилось, разноречивой в имеющейся юрисдикционной терминологии сказывается на выработке дефиниции экстрадиции, которую можно понимать двояко: во-первых, как процедуру, согласно которой государство, чьей уголовной юрисдикцией преследуется

лицо, запрашивает и получает запрашиваемое лицо из страны, где оно находится, с целью последующего привлечения к уголовной ответственности или обеспечения исполнения приговора [\[25, с. 183\]](#); экстрадиция охватывает процесс, основанный на договорах или принципе взаимности, в соответствии с которым одно государство выдает другому государству по его просьбе лицо, обвиненное в совершении преступления или приговоренное к наказанию за деяние, совершенное против законов запрашивающего государства, которое имеет право судить предполагаемого преступника [\[2, с. 17-18\]](#). Как видим, первое определение вообще не содержит указание на форму реализации экстрадиции (таковой нельзя признать получение лица запрашивающей стороной), во втором определении говорится о выдаче лица.

Кроме того, в указанных дефинициях акцент делается на правовой стороне рассматриваемого института, имеющего полисистемный характер.

Однако, во-вторых, экстрадицию можно понимать и как результативное деяние, т. е. как фактическое перемещение лица на территорию другого государства. Разрыв указанных значений рассматриваемого термина, как нам представляется, может привести к искажению сути данного института.

Таким образом, можно однозначно констатировать: термины «экстрадиция», «выдача» и «передача» не являются синонимичными, каждый из них имеет собственное содержание, позволяющее отграничивать их друг от друга. При этом экстрадиция выступает видовым понятием, как уже отмечалось, не только по отношению к выдаче, но и по отношению к передаче экстрадируемых лиц запрашивающему государству.

А. П. Тарабычина считает, что экстрадиция находится в одном логическом ряду с такими правовыми институтами, как реадмиссия, депортация и административное выдворение. Все они представляют собой разновидности удаления с территории Российской Федерации иностранных граждан [\[26, с. 3\]](#).

Трудно согласиться с тем, что экстрадиция определяется как удаление из России. В этом случае за основу берется ее внешняя сторона, которая в действительности характеризуется тем, что удаляемый перемещается на территорию другой страны. Однако при этом не учитываются следующие обстоятельства: во-первых, реадмиссия, депортация и административное выдворение происходят по инициативе государства, на территории которого находятся выдворяемые лица, тогда как при экстрадиции инициатива принадлежит запрашивающему ее государству (гл. V¹ «Передача и прием иностранных граждан в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии» Федерального закона от 25.07.2002 № 115 ФЗ [в ред. от 10.07.2023] «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Во-вторых, депортация возможна при нарушении сроков проживания или временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации, а экстрадиция осуществляется при совершении лицом преступления в ином государстве либо для отбывания наказания в своем государстве. Таким образом, признание экстрадиции удалением с территории РФ искажает правовую природу данного межотраслевого института.

Еще на одну проблему, связанную с терминологией, характеризующей экстрадиционную практику, обращает внимание Н. А. Сафаров. По его мнению, в юридической литературе при выработке дефиниции наблюдается придание довлеющего значения ее отдельным сторонам [\[2, с. 19\]](#). Например, В. М. Волженкина указывает, что большинство авторов

признают выдачу процессуальной деятельностью, содержанием которой является совокупность общих и специально созданных уголовно-процессуальных процедур. Даже если согласиться, что выдача – институт уголовного права, то ее реализация и в этом случае требует производства процессуальных действий и неременной регламентации взаимодействия с другими странами, что относится только к уголовному процессу. Выдача как процессуальная деятельность находится в сфере действия уголовно-процессуального права, поскольку правоотношения возникают при осуществлении государством уголовного преследования путем реализации национального уголовного права при расследовании преступлений, подпадающих под юрисдикцию этого государства [\[25, с. 16–17\]](#).

Строго говоря, описанная проблема не является терминологической, а относится к правовой природе экстрадиции. По сути, об этом же говорит и сам Н. А. Сафаров, дискутируя с В. М. Волженкиной. Автор, на наш взгляд, обоснованно указывает, что в данном случае «приоритетное значение отдается одной из сторон экстрадиции в ущерб другим. Процессуальные нормы имеют существенное значение для регулирования экстрадиции. Ряд действий, которые предпринимаются в ходе осуществления выдачи (арест лица, процесс обжалования либо опротестования принятого решения, деятельность защиты и т. д.), носит процессуальный характер и регламентируется нормами процессуального права. Однако это обстоятельство не является достаточным основанием для утверждения, что экстрадиция в основном является институтом уголовно-процессуального права. Данный правовой институт синтезировал нормы различных отраслей права, без комплексного учета которых невозможно осуществить выдачу» [\[2, с. 20–21\]](#).

Позиция В. М. Волженкиной противоречит правовой реальности. Институт экстрадиции носит полисистемный характер, регулируется двумя относительно самостоятельными группами правовых норм: международного и национального права, причем последнее охватывает ряд отраслей российского права: конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального. Нормы международного и национального права взаимодействуют между собой, дополняют друг друга.

В качестве вывода можно отметить следующее:

1. Термины, используемые в экстрадиционной практике, выступают в качестве названия строго определенного понятия оказания государствами взаимной правовой помощи в борьбе с преступностью. В связи с этим нет ни фактических, ни правовых оснований признавать синонимичными термины «экстрадиция», «выдача преступников», «передача преступников», поскольку каждый из них отражает конкретное социально-правовое явление, регулируемое нормами международного и национального права.

2. Экстрадиция, выдача и передача преступников в запрашивающее государство отличаются как по объему отражаемого ими понятия, так и соотношением между собой. Первая является общим, два других же выступают единичным понятием; в экстрадиционной практике последние отражают один из способов реализации экстрадиции.

Не соответствует правовой природе экстрадиции ее характеристика как удаления с территории Российской Федерации иностранного гражданина.

3. Признание экстрадиции институтом уголовно-процессуального права характеризует не терминологическую, а сущностную ошибку, искажающую ее правовую природу.

Библиография

1. Джигарь А. И. Экстрадиция: терминологический аспект // Закон и право. 2008. № 6. С. 107-108. EDN: JYAUUB.
2. Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М., 2005. 391 с. EDN: QWOBOH.
3. Лукашук И. И., Наумов А. В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. М., 1998. 160 с.
4. Смолькова И. В. Выдача или экстрадиция: вопросы терминологии // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 4. С. 435-442. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(4).435-442. EDN: ZHVTNI.
5. Международное право. Красноярск, 2008. 301 с.
6. Романов А. К., Лысягин О. Б. Институт экстрадиции: понятие, концепции, практика // Право и политика. 2005. № 3. С. 91-98.
7. Галышева Е. Г. Понятие и правовая природа экстрадиции (выдачи). Проблемы категориального аппарата // Закон и право. 2013. № 3. С. 40-43. EDN: PVFBJN.
8. Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1884. 540 с.
9. Родионов К. С. История одного заблуждения. Часть первая // Государство и право. 2019. № 1. С. 152-164. DOI: 10.31857/S013207690003659-6. EDN: VUZNFM.
10. Шаргородский М. Д. Выдача преступников и право убежища в международном праве // Избранные труды. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 655 с.
11. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб., 2004. 1130 с. EDN: UBTAfJ.
12. Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882. 228 с.
13. Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. М., 1976. 1096 с.
14. Лазутин Л. А. Место правовой помощи по уголовным делам в системе международного права // Современное право. 2016. № 6. С. 117-121. EDN: WCESPD.
15. Подшибякин А. С., Подшибякин С. А. Экстрадиция как форма международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью: материалы международной научно-практической конференции (г. Сочи, 9-12 октября 2000 г.). Краснодар, 2000. С. 40-48.
16. Волженкина В. К вопросу о разработке закона "О выдаче (экстрадиции)" // Уголовное право. 2002. № 1. С. 6-9.
17. Решетнева Т. В. К вопросу об определении понятия "экстрадиция" и его правовом оформлении в законодательстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 151-154. EDN: QNHODL.
18. Крупцов А. А., Моисеев Е. Г., Чучаев А. И. Выдача лиц, совершивших преступление. М., 2011. 142 с.
19. Быкова В. Е. Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является: значение и проблемы // Прокурорская и следственная практика. 2006. № 3-4.
20. Перетятко Н. М. Институт передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является // Оказание правовой помощи: российский и международный опыт. М., 2013. С. 75-78.
21. Валеев Р. М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. 126 с.
22. Сащенко А. И. Понятие экстрадиции в уголовном праве // Юридический журнал. 2009. № 2. С. 90-94.
23. Колибаб К. Е. Институт передачи осужденных для отбывания наказания в другие государства // Журнал российского права. 1999. № 5-6. С. 89-99.
24. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. СПб., 2003. 493 с. EDN:

XSVGJH.

25. Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. М., 2002. 332 с.

26. Тарабычина А. П. К вопросу о видах удаления с территории Российской Федерации иностранных граждан // Миграционное право. 2017. № 1. С. 3-5. EDN: YGUSXX.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, экстрадиция. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих проблем категориального аппарата. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "В правовых исследованиях, как, впрочем, и в целом в гуманитарной науке, принципиальное значение имеет точное определение лексического значения того или иного термина. В данном случае речь идет о соотношении таких понятий, как «экстрадиция» и «выдача преступников». Без его установления практически невозможно сформулировать дефиницию рассматриваемого правового феномена, определить ряд принципиальных моментов, таких как его юридическая природа, формы реализации и др. А. И. Джигарь обоснованно отмечает: «Значение вопроса об определении терминов, отвечающих требованиям емкости, точности и унификации, приобретает все большее значение. И это особенно заметно в рамках института экстрадиции, где сталкиваются законодательства большого количества государств, обладающих разными языковыми системами и правовыми традициями» [1, с. 107]". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "По нашему мнению, имеет место следующее соотношение понятий «экстрадиция» и «выдача преступников». Первое из них является видовым, выражает существенные признаки определенного круга явлений, предметов, признаваемых видом какого-либо рода. Рассматриваемое понятие является подчиненным, выступает элементом состава другого, более общего понятия – правовой помощи и правовых отношений по уголовным делам (см., например, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Минск, 1993). «Правовая помощь в международном уголовном праве представляет собой комплекс норм как неотъемлемый компонент международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, выполняющий субсидиарную функцию в целях реализации международно-правовых обязательств по международным договорам» [14, с. 120]. В свою очередь понятие «выдача преступников» входит в понятие «экстрадиции», признается одной из форм его реализации. Иначе говоря, последнее является общим понятием, а первое – единичным"; "Вопреки мнению ряда ученых, экстрадицию и выдачу преступников в силу указанного их соотношения нельзя признавать самостоятельными институтами современного права [6, с. 91]. В качестве такового выступает экстрадиция, которая по своей сути является межотраслевым образованием"; "Таким образом, можно однозначно констатировать: термины «экстрадиция», «выдача» и «передача» не являются синонимичными, каждый из них имеет собственное содержание, позволяющее отграничивать их друг от друга. При этом

экстрадиция выступает видовым понятием, как уже отмечалось, не только по отношению к выдаче, но и по отношению к передаче экстрадируемых лиц запрашивающему государству" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует проблемы категориального аппарата института экстрадиции и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В данном случае речь идет о соотношении таких понятий, как «экстрадиция» и «выдача преступников»" - "соотношении" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 26 источниками (монографиями и научными статьями, учебниками, словарем). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (К. Б. Шайбакова, И. В. Смолькова, А. И. Джигарь, А. П. Тарабычина, В. М. Волженкина и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Термины, используемые в экстрадиционной практике, выступают в качестве названия строго определенного понятия оказания государствами взаимной правовой помощи в борьбе с преступностью. В связи с этим нет ни фактических, ни правовых оснований признавать синонимичными термины «экстрадиция», «выдача преступников», «передача преступников», поскольку каждый из них отражает конкретное социально-правовое явление, регулируемое нормами международного и национального права. 2. Экстрадиция, выдача и передача преступников в запрашивающее государство отличаются как по объему отражаемого ими понятия, так и соотношением между собой. Первая является общим, два других же выступают единичным понятием; в экстрадиционной практике последние отражают один из способов реализации экстрадиции.

Не соответствует правовой природе экстрадиции ее характеристика как удаления с территории Российской Федерации иностранного гражданина. 3. Признание экстрадиции институтом уголовно-процессуального права характеризует не терминологическую, а сущностную ошибку, искажающую ее правовую природу"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права, уголовного права, уголовного процесса при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении опечатки в тексте статьи.